

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В.Я. КОЧЕРГИН

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

В классической философии отправным принципом для понимания феномена ответственности является категорический императив И. Канта. Он, как известно, предполагает априорность, опору на идею разума, выраженность через долженствование: «существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [1, 159]. Одновременно методологически значимым является требование относиться к человеку и человечеству не как к средству, а как к цели: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1, 160]. Этот принцип, по словам И. Канта, «составляет высшее ограничивающее условие свободы поступков каждого человека» [1, 160].

В марксистской традиции ответственность выступает как результат воздействия общественных, т.е. внешних по отношению к индивиду требований, которые трансформируются и интернализируются в качестве основы мотивации. Оправдание многим действиям, совершенным с позиции прежде всего интересов передового класса — пролетариата, выносятся в будущее — коммунизм.

Эта позиция, последовательно проведенная ее сторонниками в реальной практике строительства нового общества, серьезно деформировала гуманистическую сердцевину феномена активности и перевернула с ног на голову императив И. Канта: целые поколения стали средством достижения светлой цели.

Одним из первых серьезных критиков марксовой практической этики в XX в. стал К. Поппер. Он нисколько не сомневался в искренности нравственного порыва К. Маркса в его желании помочь угнетенным. Однако, критикуя «историческую теорию морали», он отмечал, что «поскольку не существует никакой пророческой социологии, которая помогла бы нам в выборе моральной системы, мы не можем переложить ни на кого, даже на «будущее» ответственность за сделанный нами выбор» [2, 239].

Теоретики франкфуртской школы, осуществившие своеобразный синтез марксизма и фрейдизма, в частности Э. Фромм, детально исследовали

Вячеслав Яковлевич КОЧЕРГИН, кандидат философских наук, зав. кафедрой экономической социологии Белорусского государственного экономического университета.

внутренний мир личности, чтобы показать механизмы и противоречия формирования ответственности в контексте такой проблемы, как бегство от свободы, представляющей собой тяжкое бремя для многих людей. Э. Фромм показал, что в условиях тоталитарного общества формируется и воспроизводится авторитарный тип личности, который, по сути, «обретает силу к действию, лишь опираясь на высшую силу», а следовательно, и неся ответственность только перед ней. «Не изменять судьбу, а подчиняться ей — в этом героизм авторитарного характера» [3, 148]. В то же время Фромм отмечает более широкую распространенность такого психологического механизма ухода от бремени персональной ответственности, как формирование внутреннего, зачастую иллюзорного «волшебного помощника». И «вопрос стоит уже не о том, как жить самому, а о том, как манипулировать «им», чтобы его не потерять, как побудить его делать то, что вам нужно, и даже как переложить на него ответственность за ваши поступки» [3, 151]. Оставаясь наполовину неопределенным, Э. Фромм не свободен от абсолютизации подсознательного в своих выводах. Это прослеживается, например, в его работе «Душа человека». Он констатирует, что вплоть до точки, в которой у него нет свободы выбора, человек ответственен за свои действия. В то же время он оговаривается: «Но ответственность является только этическим постулатом, и часто речь идет лишь о рационализации желания авторитарных инстанций иметь возможность наказывать человека. Именно потому, что зло есть нечто вообще человеческое, ибо оно представляет потенциал регрессии и потерю нашей гуманности, оно живет в каждом из нас» [4].

Философско-политический аспект современного либерального гражданского общества с точки зрения возможности социально ответственного поведения человека определенного типа рассматривает Э. Геллнер в работе «Условие свободы». Он пишет, что «существенным недостатком теории общественного договора является не просто встроенный в нее порочный логический круг (если лишь договор обеспечивает социально ответственное поведение человека, то необходим некоторый метадоговор, обеспечивающий выполнение обязательств по этому договору, и так далее до бесконечности), но прежде всего — неоправданное обобщение, в результате которого особый тип человека, живущего по договору и всерьез выполняющего свои договорные обстоятельства, приравнивается к человеку вообще» [5, 106—107].

Геллнер отвечает на вопрос о возможности гражданского общества, в котором достигается равновесие индивидуализации и власти путем возникновения современного высокоадаптивного типа личности — «модульного человека»: «современный модульный человек может перемещаться в социуме не только потому, что он похож на других представителей своей культуры... Напротив, он готов к любым переменам...Его модульность — это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи» [5, 110].

Наиболее многосторонне и целостно феномен ответственности рассматривается в работах философа и экзистенциального психолога В. Франкла, который рассматривает ответственность как один из «экзистенциалов» человеческого существования, наряду со свободой и духовностью. Ответственность человека связана с бременем выбора им среди многих таящихся в мире возможностей тех, которые он считает заслуживающими реализации. Это ответственность за аутентичность бытия, за нахождение и реализацию истинного смысла жизни. Человек испытывает ответственность перед своей совестью, за которой она выступает конечной моральной инстанцией. Ответственность неотделима от свободы, которая без нее вырождается в произвол.

Ответственность не является понятием, используемым только в качестве описания, например «некто ответственен», она прежде всего является оценочным атрибутивным понятием — «некто считается ответственным». Это придает действиям нормативное, даже этическое измерение в самом прямом смысле. Понятие «ответственность» само по себе является много-составным, связано с приписыванием, назначением и вменением и может быть проанализировано и интерпретировано в связи со следующими элементами: «кто» — субъект или носитель ответственности (личность или группа) — ответственен за «что» (действия, последствия действий, ситуации, задачи), перед «чем», перед «кем», т.е. под контролем или оценкой кого-то, оценивающего или санкционирующего субъекта в отношении (предписательного, нормативного) критерия приписывания ответственности в рамках конкретной области деятельности [6, 116—129].

Исходя из сказанного, феномен ответственности, хотя и предполагает некую социально детерминированную и нормированную форму общения личности к себе и другим элементам социума, главное — это тип личности и внутренние механизмы, приводящие к осознанию себя в качестве субъекта социального действия и контроля. Разнообразие типов личности и механизмов формирования ответственности не должно заслонять глубину кантовского императива в любых социальных изменчивых обстоятельствах и условиях.

В данной статье социальная ответственность рассматривается как нормативно закреплённая и исторически обусловленная форма отношения личности к себе, другим, группам, институтам, обществу в целом, а также конкретным социальным ситуациям, выражающаяся в осознании себя в качестве субъекта социального действия, способного к самоорганизации и самоконтролю.

«Механизмы» в социальной науке — аналоговый термин, позволяющий редуцировать сложные социальные процессы к упрощённым и даже наглядным, если речь идет о графических построениях, моделях.

Социальные механизмы представляют собой устойчивые конфигурации действий и взаимодействий субъектов различного уровня, объединённых общими пространственно-временными условиями и ситуациями, целями, нормами и ценностями, а также стилем и регулярностью последствий-результатов. В феноменах такого рода просматривается социально-технологическая структура, так как именно рациональность и цикличность социальных технологий задают основу существования социальных механизмов. Социальные технологии обладают нелинейностью как специфической характеристикой собственной процессуальности. Последняя проявляется в «сдвиге» целевого курса. Это выглядит как переинтерпретация цели субъектами социальной технологии, например, восприятие и реализация некоторых воспитательных мероприятий, проводимых в вузе администрацией и студенческим активом для всей массы студентов. В зависимости от того, какую роль принимает на себя каждый из участников таких мероприятий и каково соотношение этих ролей, возникает определённый эффект. Так, если основная масса студентов включается в проведение мероприятия (например, торжественного вечера, посвященного памятной дате) в качестве «адептов», то это означает, что переинтерпретация цели минимальна, а эффект стремится к цели, поставленной организаторами.

В то же время, если значительная часть студенческой массы настроена критично, т.е. включается в социотехнический процесс, приняв роль «критиков», ситуация коренным образом меняется. Например, мероприятие проводит непопулярный в студенческой среде вузовский администратор, авторитет которого держится на принуждении, но он по совместительству пробует себя на педагогическом поприще. Академическое сопротивление (не обязательно в радикальной форме) может напрочь деформировать цель,

поставленную организаторами, какой бы значимой она не была. Попытки вести в этой ситуации диалог чрезвычайно затруднены. Однако рефлексивное управление, позволяющее повысить эффективность коммуникации, оставляет шансы и в данном случае. Это обусловлено самой сущностью рефлексивного управления: его опосредованностью и связью, прежде всего со смыслообразующим компонентом социальной технологии. Именно обращенность к когнитивным и ценностным структурам учащихся создает предпосылку формирования позитивных целей и средств достижения (программ), которые могут быть восприняты как собственные.

Социальная ответственность как одна из важнейших компетенций будущего специалиста формируется также с использованием рефлексивно-управляемых технологий, составляющих общий «механизм». Его включение происходит, на наш взгляд, когда студентам представляется возможность перехода от однозначных императивных целеуказаний к набору значимых альтернатив, из которых они могли бы выбрать свою. При этом следует еще раз подчеркнуть значимость альтернатив, которые не уступали бы в данном отношении единственной схеме действий, предлагаемой педагогом или администратором.

В функциональном плане социотехнологический процесс поддерживается ролью генератора идей (творца). Создание предпосылок для принятия этой роли требует от организаторов и управленцев конструирования и проектирования таких педагогических ситуаций, которые содержали бы не только готовые наборы возможных альтернатив для выбора, но и алгоритмы свободного поиска решений, в том числе и нравственного характера, в режиме самоорганизации (самоуправления). Такая работа требует от педагогов высокого профессионализма и глубокого погружения в мир смыслов своих подопечных — студентов, что сокращает возрастные и статусные дистанции. Однако процесс не перестает быть управляемым, так как распределение поручений, требующих ответственного выполнения, предполагает (в контексте формирования компетенции) не просто наличие общего замысла и рутинного осуществления, но и определенного «сценария», не лишённого элементов игры и импровизации. В частности, необходимо знать не только интересы студентов, но и «значимых других», т.е. эталонные группы и персоналии, с которыми они себя стремятся идентифицировать. Подобное знание появляется в результате «взламывания» рутинного хода коммуникации. Привычные роли «адепта» и даже «критика» проблематизируются педагогом, осуществляющим рефлексивное управление, в целях обнаружения самими студентами позиции, соответствующей их подлинной идентификации, если даже она тщательно маскируется. Полная артикуляция этой позиции не всегда необходима, более целесообразным оказывается ее обозначение для последующей расшифровки. Каждый шаг в этом направлении основан на безусловном и демонстративном доверии к студенту как субъекту самодетерминации и самоконтроля. Основой этого процесса являются авторитет самого педагога и доверие к нему.

Поскольку социальная ответственность представляет собой нормативно закреплённую форму отношения субъекта к себе и другим субъектам и элементам конкретной ситуации, выражающуюся в осознании и принятии необходимости и способности к самодетерминации, а следовательно, самоконтролю, формирование социальной ответственности предполагает манифестацию ее конкретных характеристик в ходе определенных процессов.

Нормативность, представленная правовыми и нравственными требованиями, конкретизируется на уровне вузовской ситуации в виде правил внутреннего распорядка, а также в виде кодифицированных и/или некодифицированных этосных характеристик. Последние представляют собой неформализованный регулятор институционализированной социальной практики. Профессионально-нравственные ориентиры, отрефлекси-

рованные и предлагаемые студентам преподавателями в виде единых кодексов, не только обозначают социокультурное пространство вуза как конкретную ситуацию, в которой формируется социальная ответственность, но и позволяют ее проектировать. Вузовская ситуация в миниатюре и в специфическом виде создает возможности включения студентов в реальную практику.

Координация, субординация, синхронизация этих процессов зависят от темпоритмов самих процессов, могущих быть разноскоростными. Однако важнейшую роль играют обыденные практики, пронизанные неформальными коммуникациями, в которых происходит переинтерпретация нормативно заданных целей и средств не только студентами, но и преподавателями, а также другими субъектами данных процессов. Отмеченные характеристики свидетельствуют о необходимости разработки новых моделей управленческого мышления (М. Фуко) в частности гавернментального мышления, которое востребовано в исследованиях ненамеренных последствий современной рискогенной деятельности. Это отношение между обычными административными формами управления и технологиями самодисциплины и саморационализации, предполагающими активную организацию человеческой субъективности. По сути, гавернментальность является этическим управлением (Дж. Лун) [7, 22].

Таким образом, механизмы формирования социальной ответственности студентов — будущих специалистов экономического профиля — представляют собой взаимодействующие социальные технологии (обучающие, воспитательные, административно-управленческие), относительно конфигурированные и синхронизированные. Рациональные и циклически повторяющиеся виды деятельности обладают более высокой неопределенностью и нелинейностью, чем инструментальные технологии. Они структурированы в виде ролевых ансамблей, что создает предпосылки к переинтерпретации целей и средств субъектами — носителями ролей.

В своей социотехнологической основе они «погружены» в обыденные практики, пронизанные неформальными коммуникациями, что создает еще одну из предпосылок переинтерпретации нормированных извне целей и средств, нормированных извне. Вузовские формальные и неформальные, в частности профессионально-нравственные, ориентиры задают тот реальный социокультурный континуум, откуда будущие специалисты черпают образцы социальной ответственности. Рефлексивное управление, осуществляемое профессорско-преподавательским составом, предполагает активную организацию субъективности учащихся и являясь, по сути, этическим управлением, требует погружения в «мир жизненных смыслов» и подведения их носителей к самостоятельному выбору образца ответственного поведения, сопряженного с осознанной необходимостью самодисциплины.

Литература

1. Кант, И. Антология мировой философии: в 4 т. / И. Кант — М.: Мысль, 1971. — Т. 3.
2. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. — М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1993. — Т.2.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фром. — М.: Прогресс, 1995.
4. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фром. — М.: Республика, 1992.
5. Геллнер, Э. Условия свободы / Э. Геллнер. — М.: Моск. шк. полит. исслед., 1995.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Прогресс, 1990.
7. Кравченко, С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы / С.А. Кравченко // Социол. исслед. — 2010. — № 10.

Статья поступила
в редакцию 25.03. 2011 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.